

Л.А. БЕЛЯЕВА

Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России*

В статье обосновывается необходимость измерения “напряжения социального пространства” для анализа современного российского общества. Показано, что это напряжение не сводится к политической напряженности, а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных групп и акторов. Напряжения социального пространства возникают, когда реальные социальные позиции не совпадают с ожиданиями или когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону под действием различных обстоятельств. Рассматривается генезис формирования конструкта “социальное пространство” в социологии, его отличие от “физического пространства”. Социальное пространство представлено через основные виды капиталов – экономический, культурный, социальный, символический. Предложены эмпирические индикаторы измерения напряжения социального пространства страны и регионов в целях решения проблем консолидации общества.

Ключевые слова: социальное пространство, дистанция, социальные круги, сети взаимодействия, производство пространства, поля, культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, индикаторы напряжения социального пространства.

The need for assessment of “strain in social space” for the analysis of the modern Russian society is being justified. This strain is not merely a political tension but rather it exists and reproduces itself in the system of relationships among various groups and actors. The strain in social space arises when the real social positions do not match the expectations or when these positions drift unfavorably under various circumstances. The genesis of the “social space” construct and its differences from the “physical” one are considered. The social space is presented through the major types of capital – economic, cultural, social and symbolic capitals. Empirical indicators for assessment of the strain in social space nationwide and in the regions are presented aiming at solving the problems of the consolidation of the society.

Keywords: social space, distance, social circles, the production of space, the field of capital: economic, cultural, social, symbolic, indicators for assessment of the strain in social space.

Все четыре понятия, вынесенные в название статьи, не имеют в научной литературе однозначного толкования, и это несмотря на то, что их всесторонне разрабатывали всемирно известные социологи и социальные философы. В российском научном контексте встречаются весьма произвольные и противоречивые определения и интер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-03-00366 “Культурный капитал в социальном пространстве современной России (эмпирический социологический анализ”).

претации, особенно когда делается попытка эмпирически верифицировать данные понятия и проанализировать стоящие за ними отечественные реалии. Поэтому в предлагаемой статье в качестве первоисточником определить то, что может быть теоретической основой для анализа современных непростых проблем в развитии российского общества по пути модернизации.

То, что проблемы формирования культурного и социального капиталов, их функционирования в обществе, соответствие характеристик векторам развития страны по пути модернизации, в настоящий период чрезвычайно актуальны, не подвергается сомнению. Но дальше наблюдается расхождение. В обществе в целом и в научной среде укоренено представление, что с советского периода сохраняется достаточный культурный капитал, позволяющий совершить модернизационный прорыв. С этим утверждением и хотелось бы поспорить, опираясь на эмпирическую базу, представленную статистическими источниками и данными социологических исследований последних лет. Еще более дискуссионна интерпретация проблем социального капитала в современной России, его значимости в консолидации и функционировании общества. Здесь проблема состоит в том, чтобы определить, насколько социальный капитал препятствует, содействует или индифферентен развитию модернизационных тенденций, и как можно в условиях России разрешить эту проблему. Наконец, для анализа острых вопросов консолидации интересов различных групп и слоев общества и возникающих социальных напряженностей необходимо определить общее методологическое основание, позволяющее эмпирически верифицировать эти проблемы. В качестве такого основания предлагается рассматривать конструкт “социальное пространство”, в котором функционируют два вида капитала – культурный и социальный.

Социальное пространство: структуралистская традиция

В последние годы возросло внимание к проблематике социального пространства во многих общественных науках. Произошел своего рода “пространственный поворот” в социальных дисциплинах. С одной стороны, это связано с усилением внимания к пространственному фактору в культурных, экономических, политических, правовых, антропологических процессах. С другой стороны, возникли специальные предметные поля пространства, отличные от географического пространства как формы “существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки” [Географический...1988, с. 5]. Анализ и обоснование разных подходов к определению исторического пространства был проведен И. Савельевой и А. Полетаевым. Они отмечают, что историческое пространство – социально конструируемое понятие. С одной стороны, его границы могут определяться самим историком, с другой – историк может создавать такое пространство, которое было бы актуальным для участников взаимодействия. В последнем случае речь можно вести как о пространстве, присутствовавшем в качестве очевидного для исторических акторов, так и о пространстве, отсутствовавшем и рефлектируемом ими. Географическое пространство в историческом исследовании задает рамку предмету истории, очерчивает пространство социальных взаимодействий и тем самым трансформируется в пространство историческое [Савельева, Полетаев, 2003, с. 439, 443].

Сегодня в социологии также формируется проблемное поле социального пространства. Наиболее близко к социологии в определении здесь подошла социальная география, как она понимается Б. Верленом: «Я думаю, что география нечто большее, чем просто пропедевтическая дисциплина и что она обладает объяснительным потенциалом. Но я также убежден и в том, что для того, чтобы определять географию как социальную науку и поддерживать такое определение, надо лишить пространство приписываемой ему главной роли. Эту роль следует отвести “действию” как ключевому понятию географического исследования... Пространство – это система координат для материальных аспектов социальных действий в формально-классификаторском

смысле... “Пространство” не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире...» [Верлен, 2001, с. 33].

В большинстве российских исследований социальная география претендует только на изучение пространственных процессов и форм организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, отдыха, воспроизводства жизни человека, закономерностей и факторов возникновения территориальных различий в социальных структурах (классовых, промышленных, национальных, половозрастных и др.) во взаимосвязи с производством и природой. В соответствии с такой трактовкой близкая к социологии ветвь социальной географии разрабатывает проблемы пространственных структур общества, пространственное выражение социальных процессов, пространственное распределение социальных неравенств¹.

В социологии предмет исследования, названный социальным пространством, формировался постепенно. По меньшей мере сегодня социальное пространство не сводится к месту, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы, как не сводится оно и к пространству геометрическому². Предельно четко различия этих предметов сформулировал П. Сорокин: “Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой – в Китае), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение” [Сорокин, 1992, с. 297].

В результате исследований выдающихся социологов сложились теоретические концепции, дающие неоспоримое преимущество (но и трудности нахождения своего видения проблемы) исследователю проблем социального пространства. Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, П. Сорокин, Т. Парсонс, А. Лефевр, Р. Парк, Э. Берджесс, Э. Гидденс, П. Бурдьё и другие социологи внесли свою лепту в данную проблематику. Она разрабатывается также в социологии города и урбанистике. Целостное социологическое представление об обществе можно получить только исследуя структуру и объективные связи субъектов, составляющих общество. Концепт социального пространства позволяет это сделать и создать многомерную картину социального устройства общества. Он может быть использован и в анализе отдельных регионов, территорий, городов, сельских поселений и других “мест”.

В последнее десятилетие в России все чаще стали появляться работы, трактующие отдельные положения концепций упомянутых выше зарубежных исследователей или претендующие на системное их изложение (см., например, [Виноградский, 1988; Филиппов, 2007; Гирко, 2003; Беликова, 2004; Чернявская, 2008]). Некоторые социологи рассматривают социальное пространство как особое физическое пространство – “пространство как вместительница тел, и социолог только в том случае обращает внимание на пространство, если для него важен телесный аспект социальности” [Филиппов, 1996, с. 106].

Кроме того, в социологической литературе сегодня широко используется сам термин “социальное пространство”: публичное социальное пространство, социаль-

¹ Типичный образец такого рода исследования – большой проект “Социальный атлас российских регионов” Независимого института социальной политики. См. электронную публикацию “Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?” (www.socpol.ru).

² Следует сказать, что некоторые российские социологи следуют этой традиции (см., например, [Кравченко, 2002]).

ное пространство молодежи, социальное пространство наркотизма, социальное пространство Интернета, социальное пространство этнополитических процессов и т.д. Но смысловая наполненность этого термина довольно разнообразна. В большинстве случаев это только фигура речи, а сам анализ редко опирается на категории, описывающие социальное пространство. Скорее он диктуется модой на данный термин. Использование конструкта “социальное пространство” требует определить те реальности, которые его наполняют, выявить их топологию, которая, по мнению П. Бурдьё, представляет собой социологию в *объективистском аспекте*. Именно этот ракурс рассмотрения социального пространства и станет предметом анализа в данной части статьи.

Представим хронологию возникновения и развития идей, связанных с изучением социального пространства в социологии. Одним из первых социологов, обратившихся к пространственным аспектам состояния и функционирования общества как единой системы, был Э. Дюркгейм. Говоря о возможностях изучения общества, он прибегал к такому понятию, как “социальная морфология”, которая изучает субстрат общества, формы коллективного бытия, социальные факты анатомического или морфологического порядка [Дюркгейм, 1996^а]. В социальной морфологии общество выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определенным образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т. д. Дюркгейм отмечал, что *социология не может не интересоваться тем, что образует субстрат коллективной жизни*. Социальные факты в понимании Дюркгейма воздействуют на формирование социальных форм взаимодействия: доиндустриальное или простое общество держится механической солидарностью, в индустриальном или сложном обществе действует органическая солидарность, основанная на разделении труда. Солидарность – главная сила, цементирующая и сплавляющая общество, создающая общественное целое [Дюркгейм, 1996^б].

В начале XX в. Г. Зиммель также обратился к проблеме пространства, и в частности социального пространства. Он выдвинул такие социологические идеи, которые были по достоинству оценены и развиты социологами позже. Для Зиммеля социальное пространство – освоенное человеком пространство, имеющее свои границы, разделенное на зоны действия и взаимодействия индивидов. Зиммелю принадлежат идеи о социальных дистанциях, о городской пространственной среде, о влиянии больших городов на степень индивидуальной свободы и развитие особого рода духовности. Для современной социологии, изучающей жизненный мир индивида и его самоидентификацию, важна идея Зиммеля о социальных кругах, в которые включен индивид. “Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, – писал Зиммель, – является, таким образом, одним из показателей высоты культуры. Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами (так, например, во всякой профессии, где есть начальники и подчиненные, каждый находится в кругу своего особого вида деятельности, должности, бюро и т.д. в рамках этой профессии, которая всегда охватывает высших и низших; далее, он является членом того круга, который образуется всеми, кто равен ему по положению, но чей вид деятельности и т.д. – иной); если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, – офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, – то это является уже очень большим разнообразием групп” [Зиммель, 1996, с. 412–413].

Зиммель – признанный исследователь индивидуального и его идеи оказались сегодня вновь востребованы при анализе процессов модернизационного развития с индивидуализацией и отчуждением индивидов, возрастанием социальной дистанции при сокращении физической дистанции, особенно в больших городах с их скученностью на относительно малом физическом пространстве. В текстах Зиммеля содержится

много наблюдений о городских пространствах, их влиянии на человека, его культуру и стиль жизни. В таком произведении, как “Большие города и духовная жизнь”, он показал, с одной стороны, увеличение социальной дистанции и отчуждения жителей большого города, а с другой – “интенсификацию нервных импульсов”, рождаемых ускоряющимся темпом жизни, многообразными контактами жителей между собой, во многом обезличенными. Большой город “доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размерах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области. Это может быть вообще сведено к одной из весьма типичных тенденций развития общественной жизни” [Зиммель, 2002^a, с. 7]. Когда теперь мы наблюдаем и изучаем жизнь таких мегаполисов, как Москва, нельзя не удивляться прозорливости этого ученого, написавшего о данной проблеме в Берлине, численность населения которого была весьма незначительной в начале XX в.

Многие идеи Зиммеля были оценены позже и востребованы наукой в XX в. Современный французский психолог С. Московичи в своей книге “Машина, творящая богов”, развивая идеи Зиммеля о социальных кругах, подчеркивает, что разнообразие и множественность социальных кругов образуются сетями взаимодействия. Посредством этих сетей индивиды вступают между собой в контакты, общаются и организуются. Эти сети облегчают формирование объединений, добровольных и недобровольных движений, течений в общественном мнении и интересах вокруг общего ядра [Московичи, 1998, с. 357]. Существуют тяжелые и плотные сети, с которыми более тесно связывается жизнь индивида, – сети промышленности, церкви или партии. Другие сети – легкие, иногда тонкие, как паутина, возникают в среде потребителей рынка, посетителей музеев и т.д. Для характеристики социальных кругов и сетей важны плотность и стабильность взаимодействий. Но эти характеристики обладают относительностью и изменчивостью, как, например, социальные сети Интернета, которые можно отнести к легким сетям, если только эти сети не захватывают индивида целиком, делая его рабом виртуального общения, тогда они превращаются в тяжелые, вязкие сети.

Московичи подчеркивает, что взаимодействия, из которых рождаются сети, носят ментальный характер, они рождаются из социальных представлений, которые фильтруют мотивы, желания, предпочтения, оставляя в силе только то, чем можно обмениваться и что можно разделять. “Если вы хотите успешно общаться с кем-то, – пишет Московичи, – вам нужно выбрать жесты и придать смысл интересам, которые могут быть представлены в контексте, доступном вам обоим”. Для него образ общества состоит из двух ипостасей – первая представлена сетями, которые, соединяя индивидов, постоянно создаются и разрушаются ими; вторая принадлежит представлениям, разделяемым индивидами, формирующими тем самым свою общую реальность. Этих понятий достаточно, чтобы описать в общем виде большую часть взаимодействий, особенно тех, которые осуществляются в повседневной жизни [Московичи, 1998, с. 361].

Идеи Зиммеля о социальных кругах в первой трети XX в. были развиты Чикагской школой социологии и широко используются в современных исследованиях. Вместе с тем интересен и такой аспект в исследовании городского пространства Зиммеля, как отмеченное им влияние архитектуры, особой культуры городов на их жителей, на тех, кто живут в этом культурном пространстве [Зиммель, 2002^b; 2002^a]. Два эссе Зиммеля “Венеция” и “Флоренция” создают образ художественного пространства этих городов через личное восприятие автора, в них убедительно показано воздействие культурной среды на духовный мир индивида.

Вообще город как общность и сосредоточение разного рода социальных отношений стал примером того, как понимать пространство – не просто как физическое, географическое, а как социальное. При изучении города были поставлены многие теоретические вопросы, связанные с определением структуры городских взаимодействий, социальной дистанцией, маргинальностью и т.д. Многие понятия, используемые в социологии города, применимы к анализу социального пространства и в более общем значении.

Одно из первых исследований городского пространства как арены взаимодействия жителей города провел польско-американский социолог Ф. Знанецкий. Ставший после эмиграции в США видным представителем Чикагской социологической школы, классиком социологии благодаря пятитомному труду “Польский крестьянин в Европе и Америке”, подготовленном совместно с У. Томасом, Знанецкий осуществил в 1928 г. социологическое исследование городской “гмины” – социального устройства городского сообщества Познани. Проведя анализ высказываний жителей города по заданному исследователем вопроснику, он проанализировал сословно-классовый характер городского сообщества, показал сложную и высококорационализованную структуру, включающую в себя большинство жителей города. Было выявлено, что внутренняя жизнь сословий регулируется на основе принципов внутренней солидарности, но при этом отсутствует взаимная солидарность всех жителей города, отношения между сословиями не гармонизированы. Выход за рамки своего слоя происходит только в экономических отношениях (материальные услуги взамен за обязательные налоги), другие же типы отношений распространены только внутри слоя или на межиндивидуальном уровне. Знанецкий настаивал на том, что расширение связей и контактов между определенной общностью и внешним миром – неотъемлемая часть социальных изменений [Беляева, 2004].

В первой трети XX в. в рамках пространственно ориентированного подхода сформировалась такая дисциплина, как социология города. Она стала одной из центральных в Чикагской школе социологии. Ее видный представитель Р. Парк подчеркивал “естественность” (объективность, эволюционность) происхождения и развития городского сообщества, определяя “город как социальный организм”. Он сформулировал основную проблему этого направления – существует ли, помимо социальной организации, система жизненных функциональных связей между людьми, которая может быть описана как экологическая, но не в биологическом, а в социальном значении, имеющем, впрочем, и биологические характеристики. Основные элементы созданной в Чикагской школе социально-экологической теории – социальный контроль как способ обеспечить определенную степень солидарности в обществе; социальная дистанция как показатель степени близости или отчужденности индивидов или социальных групп; социальная мобильность и миграция как коллективное поведение индивидов; маргинальность как характеристика индивида, находящегося на стыке социальных групп либо же на их периферии. Соратником Парка – Э. Берджессом была разработана методика выделения “концентрических зон”, с помощью которой выявилась социальная неоднородность пространства большого города и были описаны четыре концентрические зоны, дававшие представление о социальном пространстве города, его социальной структуре [Park, Burgess, McKenzie, 1925].

Свой вклад в изучение социального пространства внес П. Сорокин, который показывал многомерность положения человека в социальном пространстве. В 1927 г. в своем труде “Социальная и культурная мобильность” он поставил вопрос о социальном пространстве в плоскости его разделения на иерархически расположенные слои: *«...социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Он может находиться только в геометрическом, но не социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”*. Сам же выбор “точек отсчета” зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп» [Сорокин, 1992, с. 298].

Сорокин поставил проблему социальной дистанции: “Чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Наоборот, чем значительнее и существеннее различия, тем больше социальная дистанция между ними”. Для определения положения в социальном пространстве каждой

“точки отсчета” Сорокин предлагал использовать множество признаков, подчеркивая тем самым объемный характер этого пространства в отличие от трехмерного евклидова геометрического пространства. Он настаивал на том, что социальное пространство – “многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis* (особого рода. – *лат*; Л.Б.) и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры” [Сорокин, 1992, с. 299–300].

Надо признать “статичность” представлений Сорокина о пространстве, изменения в котором рассматриваются им преимущественно как мобильность социальных слоев (горизонтальная и вертикальная), а само социальное пространство представлялось преимущественно в вертикальном измерении. Но ценность его построений, тем не менее, нельзя преуменьшать, поскольку для социологии важно иметь определенные критерии для анализа реальности, а эти критерии были разработаны Сорокиным и предложены для классификации типов стратификации общества. “Конкретные ипостаси социальной стратификации, – писал Сорокин, – многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификации. Как правило, все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот” [Сорокин, 1992, с. 303]. По Сорокину, социальная стратификация – дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия и отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Несмотря на статичность картины, которой соответствует стратификация по Сорокину, в ней присутствует и важный аспект динамики социального пространства, связанный с социальной мобильностью, – любым переходом индивида или социального объекта из одной социальной позиции в другую. Сорокин показал, что существует два основных типа социальной мобильности – горизонтальная и вертикальная. Восходящие течения присутствуют в двух основных формах: проникновение индивида из нижнего пласта в более высокий пласт или создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий пласт. Соответственно, и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую без разрушения при этом исходной группы, к которой он ранее принадлежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства [Сорокин, 1992, с. 373–374]. Подобные перемещения в социальном пространстве изменяют систему отношений между акторами общественного развития, их функции, но эти проблемы не входили в круг исследовательских интересов Сорокина, его заслуга в изучении социального пространства состоит в изучении объективированных социальных статусов и их изменений.

В теории структуриации Э. Гидденса также присутствует идея социального пространства, получившая свое развитие в признании дуализма – взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик. По его мнению, общество нельзя рассматривать только как результат деятельности или порождение индивидуальных субъектов. “Структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве” [Гидденс, 2006, с. 15]. Гидденс обращается к понятиям мест, локальностей, действия и социальных практик. При

этом диапазон мест, локальностей колеблется у Гидденса “в известных пределах от комнаты в доме, уличного перекрестка, фабричного цеха, небольших городов и крупных мегаполисов до государств, имеющих четко определенные территориальные границы”. Социальная география, развиваемая на Западе, содержит, по мнению Гидденса, множество тех же понятий и вовлечена в те же методологические споры, что и социология. Видным социальным географом был шведский ученый Т. Хагерстранд, разработавший концепцию “временной географии”, которая анализируется Гидденсом в его книге “Устроение общества”. Отправной пункт этой концепции – феномен рутинного характера повседневной жизни, которая сопровождается регионализацией, то есть нахождением акторов в определенных зонах взаимодействия, в соответствии с различными формами пространственного разграничения. Рутинный характер повседневной жизни объясняется Хагерстрандом траекторией движения человеческого существа в рамках жизненного цикла, а следовательно, рассматривается как своеобразный “биографический проект”. Интерес Хагерстранда к повседневным социальным практикам связан со стремлением использовать временную географию для осмысления влияния обычного дня обыкновенного человека на общую организацию социальных систем. При этом Хагерстанд различает такие понятия, как обособленность, раскрытие, передние и задние планы присутствия. Эти понятия применимы не только для индивидов, но и для зонирования городов, жилищ, различения центров и периферии.

Гидденс соглашается с Хагерстрандом, когда он подчеркивает определенное зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени, выявляет у них существование “переднего” и “заднего” планов. При этом задние планы обеспечивают дистанцию между собственными взглядами на социальные процессы и трактовками, представленными в официальных нормах. Эти положения действительны не только по отношению к индивидуальным практикам, но и к деятельности институтов, поскольку они функционируют благодаря людям, имеющим передний и задний планы поведенческих практик.

Практическое значение для анализа социального пространства имеет развитая Гидденсом идея Парка и других представителей Чикагской школы о регионализации социального пространства, в самом общем виде представляющая неравномерность развития разных локальностей, различия между центром и периферией. Гидденс пишет: «Те, кто занимает центральные зоны, “устанавливают” контроль за ресурсами, позволяющими сохранять дистанцию между ними и людьми с “периферии”. Признанные “авторитеты” используют множество способов социального “огораживания”... позволяющих им обособиться от тех, кого они считают “младшими по чину” или аутсайдерами» [Гидденс, 2006, с. 201].

Свой вклад в освоение проблематики социального пространства внес и французский социолог-неомарксист А. Лефевр, поставивший вопрос о том, как возникает социальное пространство. По его мнению, социальное пространство создается в процессе экономического развития, в нем задействованы не только участники производственного процесса, но и творцы (художники, архитекторы, как, например, в Венеции), и их произведения также служат целям производства пространства. «Оно – результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Однако в нем нет ничего от фикции, ирреальности или “идеальности”, сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Среди этих действий одни связаны с производством, другие – с потреблением, то есть с использованием результатов производства... Ни природа – климат и географическое положение, – ни предшествующая история не могут полностью объяснить социального пространства... Вмешиваются посредники: действия социальных групп, факторы знания, идеологии, репрезентации. В таком пространстве содержатся весьма разнообразные объекты, природные и социальные, сети и пути, которые облегчают передачу материальных вещей и информации. Оно не сводится ни к объектам, которые его составляют, ни к их сумме. Эти “объекты” – не только вещи, но и

отношения» [Лефевр, 2010]. Таким образом, Лефевр рассматривает пространство как результат общественного производства, оно – продукт социальный. Концепция производства пространства развивается в современной урбанистике при изучении определенных “зон” и “мест” с точки зрения их безопасности, приватности, пригодности для идентификации, социальной памяти и т.д.

Фундаментальностью отличается созданная П. Бурдьё концепция социального пространства, которое в его интерпретации представляет собой взаимосвязь позиций индивидов в многомерном измерении (см. [Бурдьё 2007^а; 2007^б]). По его определению, социальное пространство – пространство отношений, “ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине”. Пространство отношений столь же реально, как географическое, однако физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, как структура рядоположенности социальных позиций. Позиции агентов в социальном пространстве, по Бурдьё, определяются социальными практиками – наблюдаемыми способами действий индивидов и социальных групп. Действуют агенты в границах институциональных полей с использованием разного рода капиталов: экономического – деньги, богатство, собственность; культурного – знания, престиж, профессия, ценности; социального – происхождение, родственные, земляческие и приятельские связи, знакомства. Все три разновидности капиталов находят свое конечное воплощение в символическом капитале, одно из определений которого Бурдьё выразил очень лаконично: это “капитал чести и престижа”. “Демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу” [Бурдьё, 2001, с. 230–234]. То, что символический капитал действительно является капиталом, доказывается его возможностями конвертироваться в экономический, культурный, социальный капиталы и приносить выгоды своему обладателю.

Таким образом, социальное пространство, по Бурдьё, можно описать как совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом. Именно распределение в социальном пространстве различных видов капитала (экономического, культурного, социального, символического) и структурирует его, делая многомерным. Социальное пространство динамично, оно постоянно меняется вследствие непрерывности социальных практик агентов и их взаимодействий. “В реальности, – пишет Бурдьё, – социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, чье функционирование и изменение подчинено в большей или меньшей степени устойчиво и непосредственно полю экономического производства. Внутри каждого поля те, кто занимает господствующую позицию, и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу” [Бурдьё, 2007^б, с. 36].

Рассмотренные точки зрения позволяют дать следующее определение социальному пространству. Оно, в отличие от физического, географического пространства *своего рода метафора. В социальном пространстве представлены не физические объекты, а статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство – это динамическое состояние общества, характеризующееся, с одной стороны, автономностью акторов, а с другой – их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия/недоверия и консолидации/враждебности вплоть до ощущения онтологической опасности.*

Теоретический конструкт социального пространства позволяет исследовать живую ткань общества в его многообразии, привлекая разные эмпирические возможно-

сти, которые характеризуют как самих субъектов, так и возникающие между ними социальные взаимодействия. Как определенно высказался Гидденс, “пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия” [Гидденс, 2006, с. 491].

Важные элементы социального пространства, как было показано Бурдьё, – поля, в которых власть имеют определенные виды капиталов: экономический, культурный, политический, социальный, символический. Носителями этих капиталов могут быть не только индивиды, но и социальные и профессиональные группы, кланы, землячества, семьи и т.д. Поля частично накладываются друг на друга, но тем не менее, достаточно автономны, играют свою определенную роль в структурировании социального пространства. Власть каждого вида капиталов не постоянна, их влияние зависит от типа общества и степени его развития.

Культурный и социальный капиталы в социальном пространстве России

Исторически новое для общественных наук понятие, отличное от экономических трактовок капитала (финансовый, физический, основной, оборотный, акционерный, амортизационный, банковский, инвестиционный и т.д.), а именно *человеческий капитал*, было предложено Г. Беккером в 1964 г. [Becker, 1964]. Это понятие операционализировано им как квалификация, знания, умения работника, его мотивация и оценено с точки зрения затрат на их приобретение. Следующим шагом стала оценка вложений в образование как экономической выгоды, получаемой работником и владельцем предприятия. Такой экономический подход к человеческим способностям и знаниям позволил Беккеру определить доходность человеческого капитала в определенном размере от прибыли предприятия.

Подход Беккера – подход экономиста, недаром он получил Нобелевскую премию по экономике, но он открыл и новую социологическую перспективу, позволил увидеть в человеке, группе, обществе в целом такие качества и отношения, которые дают преимущества одним и ставят на более низкие позиции других внутри социального пространства. Сегодня в литературе выделяют много видов капиталов, даже чрезмерно увлекаясь их разнообразием: можно встретить рассуждения об “информационном капитале”, “религиозном капитале”, “капитале доверия”, “экологическом капитале” и т.д. Я придерживаюсь более традиционного подхода и рассматриваю ниже два основополагающих вида капитала – культурный и социальный, которые вступают между собой в противоречие и определяют состояние и динамику социального пространства России на современном этапе развития.

Концепция культурного капитала была разработана Бурдьё и впервые представлена в 1972 г. С тех пор проведено много исследований, показавших, что культурный капитал – наиболее активный фактор, способный влиять на процессы модернизации изнутри общества – через культурные институты и развитие человека, избегая при этом “имитации” модернизации, чем грешат политические решения.

Концепция культурного капитала, активно используемая вслед за Бурдьё в современном социально-философском и социологическом дискурсе, имеет много точек соприкосновения с концепцией человеческого капитала Беккера, развитой Дж. Коулманом. “Человеческий капитал, – писал Коулман, – создается путем внутренней трансформации самих индивидов, вызываемой их навыками и способностями. Это в свою очередь дает возможность им действовать иначе” [Коулман, 2001, с. 126]. Бурдьё считает, что культурный капитал при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций. Он выделяет три состояния культурного капитала: инкорпорированное – в форме длительных диспозиций ума и тела – как неотъемлемая часть личности; объективированное – в форме культурных товаров и средств, которые могут передаваться, наследоваться; институционализированное, когда наличие дипломов, академических

квалификаций и т.д. позволяет сравнивать их владельца с другими акторами и конвертировать их в экономический и символический капитал. Все три состояния культурного капитала взаимосвязаны и каждый из них находит свое выражение в капитале символическом, который отражает репутацию, авторитет, способность быть своим в определенной культурной и статусной группе, высказывать свои оценки, навязывать свое мнение. По наиболее общему определению Бурдьё, символический капитал – любая разновидность капитала, воспринимаемая социальными агентами, категории которого таковы, что позволяют им знать о ней, замечать ее, придавать ей ценность [Бурдьё, 2001; Bourdieu, 1994, p. 116].

Концепция культурного капитала используется не только для характеристики индивида, отражает его способность производить материальные и духовные блага, но и для разного типа общностей, этнических и других групп, организаций, регионов и целых обществ. Культурный капитал, так же как и другие формы капитала (физический, экономический, социальный), продуктивен. Он также способствует достижению определенных целей и воплощается в различные формы экономического капитала на уровне индивида, организации, территории, страны в целом³.

В концепции культурного капитала имплицитно присутствует такой институт, как система образования (от дошкольного до послевузовского), поскольку в значительной мере через эту систему происходит социализация личности в современном обществе и приобретается культурный капитал. Для России, имеющей целью переход к современному обществу, образование – один из главных системообразующих элементов институционального обеспечения такого перехода. Система образования, наряду с семьей, в основном, и формирует культурный капитал нации, региона, равно как и культурный капитал индивидов. Знания, навыки, умения, соответствующие современным достижениям во всех сферах человеческой деятельности, определяют успешность развития страны, отдельного региона и самого человека. Именно культура, а не политика определяет прогресс общества.

Образование встраивается в культуру и воздействует на формирование совокупности социальных норм, которые обладают большей стабильностью, чем экономические изменения, содействует накоплению научных знаний, современных навыков и умений. В условиях той трансформации, через которую проходит Россия, образование и как социальный институт, и как социальная практика оказалось действенным фактором идентификации для большого слоя людей. Несмотря на фрагментацию системы образования и определенные деформации целей обучения, а также усилившийся элитарный характер подготовки по определенным специальностям, она смогла даже усилить свою идентификационную роль для молодежи и лиц всех возрастов при изменении социально-институциональной среды. Кроме того, образование стало ресурсом для инкорпорирования индивидов в изменяющуюся реальность, и большинство людей, как показывают эмпирические исследования, осознают ценность своего культурного капитала и продолжают опираться на него при поисках профессионального и социального статуса.

Это еще раз подчеркивает, что неправомерно говорить об избыточности образования, его чрезмерном уровне. Скорее, необходимо менять условия производства, открывать новые рабочие места, где люди с соответствующим образованием могли и хотели бы работать. Можно сослаться на пример автомобильного кластера в Калуге, который привлекателен как место работы для людей с достаточно высоким уровнем образования и, судя по обращениям на сайт кадровой службы, весьма востребован образованной молодежью. Главная задача для России – не снижать уровень образования, приводя его в соответствие с наличными рабочими местами (это путь деградации структуры занятости), а так реформировать систему образования, чтобы отвечать на глобальные вызовы современной модернизации наращиванием культурного капитала.

³ О соотношении разных видов капитала см. также [Радаев, 2003].

Сегодня задача проведения экономической модернизации в России связана с историческим выживанием нашего общества и, видимо, должна предшествовать новому этапу политической модернизации в России, создавать для нее человеческий капитал. А для этого должна быть создана современная структура занятого населения с доминированием высокоинтеллектуального и высокотехнологичного труда. Нельзя отрицать прямую связь характера труда и интеллектуальных и культурных запросов, а также образа жизни человека с его политическими предпочтениями и политическим поведением. Постиндустриальная экономика – это экономика знаний, в ней взаимодействие с социально-культурным бытием человека предельно обнажено и зависимо от качества общеобразовательной и профессиональной подготовки. Такая социально-профессиональная структура определяет черты образа жизни, уровень благосостояния, спектр потребляемых услуг, политические настроения, ценностные позиции. В этих обществах становится реальностью измерение экономики в категориях культуры, таких как развитие человека, интеллектуальный потенциал общества, творчество, инновации, образование (см. [Сиземская, 2010]).

В отличие от культурного капитала, который не только наследуется в виде семейных ценностей и ориентаций на образование и культурное развитие, но и приобретает человеком самостоятельно путем обучения и самовоспитания, **социальный капитал** возникает по факту рождения, принадлежности к этнической группе, коллективу одноклассников, семейному клану, землячеству и т.д. Наличие и наращивание социального капитала часто не зависит от усилий самого человека, он может только воспользоваться этим капиталом, поддерживать его в актуальном состоянии. Но такой капитал может и создаваться с вступлением в сплоченные группы через оказание нужных услуг. Постсоветская история России представляет богатый материал для анализа таких путей формирования социального капитала, который успешно был трансформирован в экономический капитал.

Бурдье определял социальный капитал как “ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства” [Bourdieu, 1986, p. 21]. Другой аспект социального капитала выделяет Коулмен, говоря, что это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы [Коулман, 2001]. Социальный капитал воплощается в социальных сетях, социальных нормах поведения определенной группы, взаимных поддержках и кооперациях ради получения взаимной выгоды. Он может существовать не только благодаря принадлежности к определенной группе, имеющей что-то общее – национальность, малую родину, совместную учебу, принадлежность к клану, и т.д., но и внутри больших социальных общностей с разнонаправленными интересами. Так, при определенных обстоятельствах он может возникать в обществе в целом с высокой степенью идентификации с ним – как взаимная поддержка, солидарность, взаимопомощь в достижении общих целей.

К сожалению, современная Россия – не такой случай. В российском обществе велик уровень отчужденности не только от власти, но и между людьми. И Россия здесь не одинока. Эта тенденция широко распространена в мире и была зафиксирована, например, в исследовании социального капитала в США. Оказалось, что за последние два-три десятилетия здесь произошло сокращение “социального капитала”. Для подсчета его национального объема применялись два показателя: индекс доверия и членство в общественных объединениях. Согласно исследованию Р. Патнема, число членов разного рода добровольных ассоциаций за этот период сократилось в пределах 25–50%; время, затрачиваемое на неформальное общение вне работы с 1965 г. уменьшилось на четверть, а на деятельность в общественных организациях – чуть ли не наполовину; наконец, индекс доверия (процент положительных ответов на вопрос: “Можно ли доверять людям?”) с 1972 г. снизился примерно на треть [Putham, 2000].

В условиях современной России, наследовавшей и развившей традиции поддержки и продвижения “своих людей” даже не имеющих достаточного объема знаний и

умений, социальный капитал имеет двойственную природу: с одной стороны, он задает обществу структурированность, а с другой – закрывает отдельные сферы, особенно близкие к распределительным процессам, от проникновения “чужаков”.

Качество социального капитала в России, его двойственная природа, противоречивы. Н. Плискевич выделяет две формы социального капитала: одна поддерживает монополизм в тех или иных сферах, другая, антипод первой, типична для постиндустриального общества и проявляется в широких социальных связях, образующих структуры гражданского общества, способствующих процессам обмена информацией, созданию гибких сетей для решения все новых и новых задач [Плискевич, 2012]. Надо ли говорить, что первая форма главенствует в России, особенно в некоторых регионах, национальных республиках, где она препятствует развитию гражданского общества, более того – блокирует процессы развития человеческого капитала.

Социальный капитал и культурный капитал могут вступать между собой в противоречие и в конфликт, например, при распределении дефицитных благ и ресурсов. Назначение на должность по признаку родства, землячества, принадлежности к определенному клану в ущерб знаниям, опыту, образованию, нравственным качествам, другим показателям культурного капитала – нередкое явление в современном обществе и, конечно, в России. Взятка, подношение, подарок в таком обществе, как российское, служат укреплению социального капитала, хотя они официально и порицаются, но в реальности широко используются для получения поддержки и выгоды от нужного знакомства.

Существование противоречия культурного и социального капиталов поддерживается авторитарными методами управления в ущерб правовым, демократическим, неразвитостью гражданского общества. Повсеместно ярко выражены тенденции сращивания власти и бизнеса, правовая незащищенность малого и среднего предпринимательства и индивидуальных предпринимателей. По данным мониторинга Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ), именно предприниматели чаще, чем другие группы населения, лично сталкиваются с фактами коррупции и вымогательства. Коррупция стала неотъемлемой частью организации бизнеса в России, но она протянула свои щупальца и в социальные сферы – образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство, коррупция стала поистине неформальным социальным институтом общества, утверждающим неформальные правила взаимодействия. В определенном смысле это, говоря словами Дюркгейма, своего рода фабрика воспроизводства общественных отношений. Коррупция способствует росту масштабов материального неравенства, нарастанию отчуждения населения от власти, распространению общего настроения недоверия в обществе, разлагает общественную мораль.

Таким образом, социальный капитал, с одной стороны, скрепляет общество, выступает в роли своеобразного “клея”, но с другой – важно знать цену подобного “сплочения” в условиях современной России. А цена столь велика, что не только препятствует модернизации, но и архаизирует общество, отбрасывает его в прошлое.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликова А.В.* Социальное пространство: онтологические основания и институциональные структуры. Дисс... к.филос.н. Саратов, 2004.
- Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М., 2007^а.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М., СПб., 2007^б.
- Верлен Б.* Общество, действие, пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. № 2.
- Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. М., 1988.

- Географический энциклопедический словарь. М., 1988.
- Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуры. М., 2006.
- Гирко Л.В.* Социальное пространство: междисциплинарные исследования. М., 2003.
- Дюркгейм Э.* Метод социологии // Западно-европейская социология XIX–начала XX века. М., 1996^а.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996^б.
- Зиммель Г.* Венеция // Логос. 2002^б. № 3.
- Зиммель Г.* О скрещении социальных кругов // *Зиммель Г.* Избранное. В 2 т. Т. 2. М., 1996.
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002^а. № 3.
- Зиммель Г.* Флоренция // Логос. 2002^в. № 3.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Кравченко А.И.* Социология. Общий курс. Учебное пособие для вузов. М., 2002.
- Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (<http://magazines.russ.ru/2010/2/le1.html>).
- Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.
- Плискевич Н.М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012.
- Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность, 2003. № 2.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. Ч. III. Пространство и время истории. СПб., 2003.
- Сиземская И.Н.* Экономика как сфера воспроизводства социально-культурного бытия // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. 7–9 октября 2010 г. Ульяновск, 2010.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Филитов А.Ф.* О понятии социального пространства // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация социального пространства. М., 1996.
- Филитов А.Ф.* Социология пространства. СПб., 2007.
- Чернявская О.С.* Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета. 2008. № 5.
- Becker G.S.* Human Capital. New York, 1964.
- Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. New York, 1986.
- Bourdieu P.* Raison pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris, 1994.
- Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D.* The City. Chicago, 1925.
- Putnam R.* Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.

© Л. Беляева, 2013